

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:

- Осколки великой мечты
- Быстрая и шустрая
- Даже ведьмы умеют плакать
- Кот недовинченный
- Красивые, дерзкие, злые
- Боулинг-79
- Пальмы, солнце, алый снег
- Наш маленький Грааль
- Внебрачная дочь продюсера
- Ревность волхвов
- Ideal жертвы
- Золотая дева
- Я тебя никогда не забуду
- У судьбы другое имя
- Та самая Татьяна
- Мадонна без младенца
- Семейное проклятие
- Изгнание в рай
- Над пропастью жизнь ярче
- Главная партия для третьей скрипки
- Мертвые не лгут
- Девушка не нашего круга
- Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

- Отпуск на тот свет
- Все девушки любят бриллианты
- Проигравший получает все
- Второй раз не воскреснешь
- Предмет вождения №1
- Оскар за убийную роль
- Дата собственной смерти
- Парфюмер звонит первым
- SPA-чистилище
- Вояж с морским дьяволом
- Биография smerti
- Девушка без Бонда
- Три последних дня
- Незримая связь
- Джульетта стреляет первой
- Жемчужные тени
- Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

- Эксклюзивный грех
- Рецепт идеальной мечты
- Коллекция страхов прет-а-порте
- Ледяное сердце не болит
- Одноклассники smerti
- В Питер вернутся не все
- Через время, через океан
- Небесный остров

Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает дважды

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпускают дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности
Удаленная любовь

АННА **и** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Удаленная
любовь

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *С. Курбатова*

Литвинова, Анна Витальевна.

Л64 Удаленная любовь : сборник рассказов / Анна и Сергей Литвиновы. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211704-6

Частный детектив Паша Синичкин встречается на курорте эффектную женщину и выслеживает наркоторговцев...

Маменькин сынок влюбляется только в недостижимых девушек. Пиком его увлечений становится космонавтка на околоземной орбите...

Похоронный агент знакомится на поминках с красоткой, но он не догадывается, что он заинтересовал ее совсем неспроста...

Эти и еще семь интереснейших историй с эффектными поворотами и неожиданными концовками! Читайте новые рассказы мастеров остросюжетного жанра!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Литвинова А.В., Литвинов С.В.,
2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211704-6

ОПЕРАЦИЯ «БОЛГАРСКИЙ ПЕРЕЦ»

*Самый новый рассказ из серии
«Записки Паши Синичкина,
частного детектива»*

Это случилось в те золотые времена — до ковида и прочих бед, — когда из Москвы в Европу можно было долететь проще, чем до Омска или Челябинска.

В ту далекую пору — был год двенадцатый, кажется, — один из моих клиентов, с которого я снял совершенно не заслуженные обвинения в убийстве, предложил мне в знак благодарности пожить в его квартире в Болгарии — на самом берегу Черного моря.

Квартира близ пляжа — это только в Белокаменной звучало сладко. Да, жилье, как рекламировал мне клиент, находилось и впрямь рядом с морем, с балкона открывался вид на воду. Но.

Море на то и звалось Черным: оказалось оно вельми беспокойным. Не зря его древние греки называли Понтом Аксинским, то есть «негостеприимным».

Затем, ради пиара и привлечения мигрантов на берега Колхиды и Тавриды, эллины переименовали его в Эвксинское — наоборот, «гостеприимное». Но первое слово, как известно, дороже второго. И начальное впечатление — самое верное.

Суровая судьба частного детектива меня по свету помотала. Всяких морей я видел изрядно: и Эгейское, и Карибское, и даже Индийский океан. Но Черное в том августе оказалось реально черным.

Ветер постоянно дул с севера, серые волны накатывались на берег одна за одной. На пляжах вечно висел красный флаг; чтобы искупаться, приходилось искать уединенные скалистые бухточки без надзора спасателей, то и дело рискуя быть расплюснутым о камни.

Возможно, именно непогода явилась первопричиной нижеописанных событий: встреч, преступлений и последующего расследования. Или, точнее, ненастье послужило толчком к тому, что в эту историю затянуло меня.

Чем обычно заняты курортники, когда нельзя купаться-загорать? Те, кто предпочитает здоровый образ жизни, — слоняются по берегу туда-сюда. А остальные, и их большинство, — находят менее полезные для ЗОЖа развлечения.

Я оказался из числа последних.

На высокой скале с видом на огромный морской простор я облюбовал бар под названием «На Фара». «Фара», я погуглил — да и сам мог догадаться, — означало «маяк». «На Фара», соответственно, переводилось как «на маяке».

Он, маяк, виден был из-за столика во всей красе: гордый, белый, на скалистом островке в самой середине бухты — о него разбивались высоченные волны, осыпались клочьями воды и пены.

Пена скапливалась в каменистых заводях, образуя белый слой, до чрезвычайности похожий на побочный продукт плотской любви. Выглядела пена отчасти эротично, и легко можно было предположить, почему именно из нее родилась, по мнению греков, Афродита.

Из бара расстилался на три стороны прелестный вид на бушующий Понт Аксинский/Эвксинский. Даже странно, что посетителей здесь вечно было раз-два и обчелся. Может,

народ отпугивал резкий ветер (мест под крышей и со стенами заведение не предусматривало). А может, люди не шли, потому что здесь не готовили, в лучшем случае подавали сухарики и чипсы и только наливали. Или виной тому были твердые, грубо сколоченные деревянные скамейки безо всяких подушечек — не знаю.

Факт оставался фактом: народу тут что днем, что вечером оказывалось негусто. Поэтому меня заведение вполне устраивало.

В ту пору мы как раз впервые расстались с моей Римкой. Расстались, прожив как пара в течение полутора лет. Расстались — по моей вине. Она ушла, как мне казалось, навсегда, и думалось, что никогда я ее больше не увижу¹.

Поэтому во времена непогоды (да и в ясные деньки, чего греха таить) я занимал свое одинокое положение за столиком, первым от морского обрыва, заказывал бурбон и не спеша над ним медитировал, рассматривая широкую водную гладь.

---

¹ Подробнее о взаимоотношениях Паши Синичкина и его помощницы Риммы см., например, романы Анны и Сергея Литвиновых «Бойся своих желаний» и «Она исчезла».

Когда-то, сто лет назад, когда я вместе с Таней Садовниковой спасал журналиста Диму Полуянова, он меня хорошим стихам научил¹. Я потом их не одной девчонке их вкручивал: «Приедается все, лишь тебе не дано примелькаться»². Поэт, и я вслед за ним, имел в виду в этих строках море, однако деффачки со свойственным им эгоцентризмом подразумевали себя, любимых.

И вот я сидел на грубо сколоченной скамье, за топорным столом, глазел на море и думал всякие поверхностные мысли: как корабли и сто, и тысячу, и десять тысяч лет назад везли туда-сюда по этим волнам свежевывловленную рыбу, овец, амфоры с вином и маслом, пополняя античный (или средневековый) экспорт-импорт.

Кстати, импорт по-болгарски назывался смешно — «внос», так и в меню значилось: «бърбън внос», «уиски внос», «коняк внос». И цены тоже прелестные: одна порция — один лев, то есть пятьдесят евроцентов, или, по тогдашнему курсу, пятнадцать рублей.

---

¹ О знакомстве и первой совместной работе Синичкина, Садовниковой и Полуянова можно прочесть в романе Анны и Сергея Литвиновых «Проигравший получает все».

² Стихи Б. Пастернака.

В общем, я сидел и накачивался этим «внос» — в один свой одинокий нос, простите за каламбур.

Но не буду лукавить: не только море привлекало мое скромное внимание. Уход Римки и одиночество меня измучили, честно говоря. В том числе и в физическом плане. А курортниц в городке оказалось множество, в том числе русских, и для определенного их сорта я представлял лакомую добычу: одинокий, молодой, не сильно стесненный в средствах.

Мимо бара «На маяке» спортивным шагом иногда проходила по берегу, по самой кромке воды русская девушка в оранжевом купальнике, плотная, мускулистая, крепко сбитая. Поглядывала на меня снизу вверх, такого загадочного, угасающего над вискарем. Прошла в своих кроссовочках раз — исчезла в тумане. Прошла два. А на третий поднялась по длинной и крутой лестнице в бар.

Заказала себе какую-то муть, типа коктейля «Маргарита». Села неподалеку, чтобы попадать в поле моего зрения.

Я посидел, посидел — да и потребовал бутылку ледяного игристого, послал с барменом к ее

столику с двумя бокалами: более чем прозрачный намек.

Ох, и накеросинились мы с ней в тот вечер! Потом долго шли заплетающимися ногами к себе в квартал.

Древний болгарский поселок, в котором мы жили, состоял как бы из двух частей. В первой располагались под древними серебристыми липами крытые красной черепичной кровлей добротные каменные двухэтажные дома. Там гнездились основные заведения и магазины, оттуда начинался длинный песчаный пляж. А чуть в стороне, по другой оконечности бухты, недавно появился новый квартал из трех- и четырехэтажек. Его в ту пору только что построили и стали распродавать всем подряд — в особенности тем, кто истосковался в своем ледяном климате по южному солнцу: англичанам, скандинавам, эстонцам. Но больше всего оказалось покупателей из республик бывшего Советского Союза, в ту пору благодаря валютному курсу богатых русских, украинцев, казахов. Рассказывали, что в начале десятых годов около трехсот тысяч квартир в Болгарии русскоязычные закупили!

В новый квартал из старого города вела небольшая набережная.

С моей новой спутницей мы порой останавливались по дороге и целовались. Мне не слишком понравилось, как она целуется — чрезмерно требовательно и жестко, словно пылесос, — мне бы тогда понять этот намек мироздания, да и разойтись с ней навеки, но, как известно, когда у мужчин берет слово естество, мозг умолкает.

Утро застало меня в ее постели. Девочка упорно выдоила меня до нитки.

Квартира у нее оказалась явно лучше той, где я обретался: целых два этажа в пентхаузе с окнами на четыре стороны света.

Анфиса (так ее звали) вечером и ночью немного рассказала о себе: москвичка, студентка «вышки», папа — бизнюк (кто бы сомневался). Собиралась приехать сюда на пару недель с подругой, но компаньонка в последний момент отвалилась, вот она и коротает тут время одна.

«Одни мамыши с мелюзгой, — брюзжала она, — батяня мой дурошлеп, не мог хотя б на Солнечном берегу апартаменты взять, засунул меня в этот колхоз!» Анфиса вечно была всем

недовольна: то я слишком быстрый, то чрезмерно медленный, и пальцами надо двигать не так, и языком по-другому — в общем, хоть я свою порцию восторгов получил, но устал от девчонки неимоверно.

Как рассвело, с облегчением перебрался к себе в нору.

Квартиры в новых кварталах предназначались для временного летнего проживания, поэтому отопления там не предусматривалось вовсе, а зимы все-таки на Черном море бывают холодные. Из-за этого, несмотря на новизну, стены здесь были в потеках от весенней испарины, а в темных углах гнездилась плесень.

Весь день я проспал, в любимый бар не пошел — во многом потому, что не хотелось больше встречаться с Анфисой. И объяснений с ней тоже никаких не хотелось.

Погода на море меняется быстро, и следующие пару дней ярко наяривало солнце, ветер лишь слегка колыхал липовые листочки, а море, как котенок, тихо ласкалось у ног.

Я на целый день уходил на пляж, занимал шезлонг под зонтиком, попивал ледяной пивасик или сухое. Раз мимо прошла спортивным шагом в своем огненном купальнике Анфиса —

но не заметила меня (или, скорее, сделала вид, что не заметила). И я подумал: может, клюнул на нее оттого, что ее оранжевый купальник чем-то напомнил мне мою огнегривую Римку (безвозвратно, как казалось тогда, утерянную).

На третий солнечный денек шезлонг рядом с моим заняла русская дама с ребеночком-подростком. Женщина была примерно моего (тогдашнего) возраста, то есть слегка за сорок. Верней, она выглядела на тридцать, потому что, очевидно, тщательно следила за собой в косметических кабинетах и спортзалах, но сын лет четырнадцати явно ее выдавал. Не в шестнадцать же она его родила.

Разумеется, я понимал, что она оказалась рядом со мной не просто так, и, чтобы не тянуть быка за хвост, сразу спросил у нее имя греческого бога из четырех букв (помимо попивания вина, я разгадывал кроссворд). Она улыбнулась: «Зевс». Зевса я и сам знал, но мне понравились ее улыбка и тембр голоса. Сынок, вперившийся в планшет, никакого участия в беседе не принимал.

Я всегда по жизни предпочитал женщин с опытом, с определенным прошлым. Не только

потому, что они могли поведать что-то для меня новое, интересное — они мудрее юных вертихвосток, с ними легче наладить общий язык.

Моя Римка вроде бы (на первый взгляд) своей юностью выбивалась из этого порядка — но потом, много позже, я узнал, что и у нее судьба выдалась совсем непростой.

Елизавета Федоровна (так звали мою новую знакомую) оказалась москвичкой — точнее, жительницей Подмосковья. Держала небольшую сеть салонов красоты в подмосковных Кормищах — так она для простоты называла три сросшихся друг с другом пригорода: Королев, Мытищи, Щелково. На мой вопрос о муже ответила, как частенько водится у такого сорта фемин: «Муж объелся груш».

Если бы они, вышеозначенные мужья, в действительности съедали столько этих сладких плодов, сколько рассказывают о них жены, наверное, ни одной груши на земле больше не осталось бы. Да и сами они лопнули, от сладости и чрезмерного облегчения желудка.

Лишь впоследствии в минуту откровенности она поведала мне душещипательную историю, что супруг, с виду успешный бизнесмен, пристрастился к алкоголю, оказался запойным,